DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-176-181

ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК АСПЕКТ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ПЕРЕНОСА В КОНТАКТНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

С.М. Пак

В статье рассматриваются заимствования в аспекте культурно-языкового переноса в этнической (русской) литературе на английском языке на примере творчества американской писательницы русско-еврейского происхождения Хелен Литман. Актуальность исследования связана с коммуникативной ценностью оригинальной культуры как для интерпретации авторского стиля и замысла, так и для разработки теории русского варианта английского в терминах контактной вариантологии. Поскольку в основе идейно-художественного содержания исследуемого литературного материала лежит сложная история интеграции в новую, американскую жизнь, и «русское» содержание воплощается в англоязычную языковую форму, «отсыл» в прошлое воплощается в многочисленных случаях лексических и понятийных заимствований. Представлены такие типы заимствований, как экзотизмы, описывающие прототипические русские исторические или бытовые реалии; транскрибированные русские слова, называющие реалии, лакунарные для американской культуры, в том числе междометия; зоонимы, обозначающие прототипические для русской культуры человеческие свойства и представляющие собой случай понятийного заимствования; жаргонные или сленговые слова; фразеологические кальки. Последние представляют собой искусственные языковые образования, характеризующиеся неполным семантическим соответствием. Большое количество примеров объясняется отсутствием в лингвокультурном пространстве США культурных реалий, характерных для страны исхода героев Х. Литман; с другой стороны, частотны русские слова, семантически эквивалентные английским, но придающие национальный колорит повествованию. Следы переноса культурной идентичности в творчестве билингвальных писателей, обнаруженные в работе на материале заимствований, позволяют глубже раскрыть авторский замысел, а также расширяют проблематику исследования контактной литературы.

Ключевые слова: заимствование, контактная литература, культурно-языковой перенос, билингвизм, лингвокультурная идентичность.

BORROWINGS AS AN ASPECT OF LINGUACULTURAL TRANSFER IN THE CONTACT LITERATURE IN ENGLISH

S.M. Pak

The article explores borrowings in terms of linguacultural transfer in the ethnic (Russian) fiction written in the English language, the material being works of Helen Litman, an American writer of Russian-Jewish ancestry. The research significance is related to communicative value of the original culture both for interpretation of the author's style and purport as well as for developing the theory of Russian English in terms of the World Englishes paradigm. Since the primary message of H. Litman's writings is the difficulty of integrating into a new reality, reference to the past is embodied in numerous cases of lexical and conceptual borrowings. The author explores such types of loans as exoticisms describing Russian prototypical historical, and everyday life concepts which are absent in American culture; Russian transcribed words including exclamations, slang words, incorporated in the texts; zoonyms as a particular case of conceptual borrowings, and phraseological calques. Numerous examples are conditioned by the absence of Russian culture-specific concepts in American linguacultural continuum. Traces of transferring cultural identity in bilingual writers' fiction, which are found in this article, make it possible to infer the author's purport as well as broaden the research field of contact fiction.

Key words: borrowing, contact fiction, cultural transfer, bilingualism, linguacultural identity.

Введение

Этническая литература на иностранном (английском) языке (контактная литература, в терминах Б. Качру) [15] представляет собой объект интердисциплинарный, поскольку дает богатейший материал для лингвокультурологических исследований (проявления контактов языков и культур, би- и мультикультурализма), психолингвистических – в терминах бикультурной языковой идентичности, в том числе проблем художественного билингвизма [3; 7; 9]. Исследователи данной проблематики исходят из особой функции оригинальной языковой культуры

как коммуникативно ценностной для описания «чужой» культуры, изучая этническую литературу на русском языке. Следует признать релевантность этого подхода для описания оригинальной культуры средствами «чужого» языка. Так, англоязычные по форме, но русские по ментальности художественные произведения создают писатели, эмигрировавшие в США (Г. Штейнгард, А. Улинич, Э. Литман и др.). Их тексты предоставляют и материал для разработки русского варианта английского языка качруанского расширяющегося круга как в лингвистическом, так и лингводидактическом ас-

Пак Светлана Михайловна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и межкультурной коммуникации Факультета международных экономических отношений Хабаровского государственного университета экономики и права.

Pak Svetlana Mikhailovna – Doctor (Philology), Habil., Associate Professor, Head of Chair of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Economic Activity, Khabarovsk State University of Economics and Law.

E-mail: pak_sm@mail.ru

© Пак С.М., 2021

пекте. В данном случае контакт культур проходит как по линии бикультурной языковой личности, так и с точки зрения восприятия текста представителями одной и/или другой культуры. Степень и глубина реализации своей культуры в тексте, написанном на чужом языке, варьируется в зависимости от уровня освоения второй культуры (классическим примером являются тексты В. Набокова как абсолютного билингва), а также идейно-художественной задачей автора. Часто писатели наполняют английскую языковую форму русским содержанием намеренно, передавая чувства бывших соотечественников. Так, например, сборник рассказов Эллен Литман «The Last Chicken in America» [16], взятый в качестве материала для данного исследования, посвящен мучительному процессу вхождения русскоязычных иммигрантов в американскую культуру; полон реминисценций о прошлой жизни, тоски и ностальгии, как следствие, русское содержание – смысл и идейное наполнение произведения. Т.Н. Толстая в рецензии на роман А. Макина «Французское завещание», написанный в эмиграции на французском языке, пишет: «Странно видеть, как, уходя из сферы притяжения русской литературы, русский человек, надев чуждый ему костюм чужого языка, не мытьем, так катаньем, не криком, так шепотом заставляет обратить на себя внимание совершенно чужих и равнодушных в сущности людей, чтобы, отчаянно жестикулируя, объяснить по поводу того, откуда, как, с чем и зачем он к ним пришел» [13]. «Сфера притяжения» велика, очевидно, не только у русской литературы, но и у русской души, и русско-американские писатели оставляют на страницах своих книг «следы» родной культурно-языковой идентичности.

Самым явным способом сохранения и передачи исходной лингвокультурной идентичности в контактной литературе являются заимствования, представляющие предмет данного исследования.

Виды заимствований

Известно, что заимствования из языка-донора в язык-рецептор характеризуются разной степенью интеграции, маркером которой является фиксированность в словарях принимающего языка и морфологическая освоенность, от *алиенизмов*, *экзотизмов* или *варваризмов*, сигнализирующих об иной культуре [11: с. 19], наименее ассимилированных в заимствующем языке [11: с. 48] и создающих эффект инокультурного присутствия [11: с. 465], до устоявшихся заимствований, подчас не осознаваемых как таковые даже носителями языка. Важным механизмом заимствований является калькирование – «процесс образования новых слов, выражений и оборотов по иноязычным лексическим, фразеологическим и синтаксическим моделям» [11: с. 150]; соответственно выделяют семантические и структур-

ные кальки, последние включают словообразовательные, синтаксические и фразеологические образования. Сама калька определяется как «заимствование в виде буквального перевода иностранного слова или выражения, т.е. точного воспроизведения его средствами принимающего языка с сохранением морфологической структуры и мотивировки» [2: с. 229].

Исследуемый литературный материал рассказов Эллен Литман дает большой корпус заимствований из русского языка (русизмов) разных типов, причем весь корпус заимствованных единиц можно разделить на языковые и понятийные заимствования. Под последними в работе понимаются заимствования и последующая вербализация культурных концептов [8]. В большинстве случаев эти элементы маркированы в тексте курсивом. Анализ позволил выделить следующие типы заимствованных слов.

1. *Экзотизмы, описывающие прототипические русские исторические или бытовые реалии, лакунарные для американской культуры.*

В рассказе “Dancers” герои – танцоры русского танцевального шоу “Caviar”. Писательница так описывает сценическое действие: “There were women in long sarafans and beaded kokoshniks. Cossacks with fake mustaches strutted in their dancing sharovars. Someone showed up dressed as a bear...” [16: p. 109]. «Длинные сарафаны», «украшенные бусинами кокошники», «казаки в шароварах», «фряженные под медведя» – все это создает стереотипный русский национальный колорит. Слова переданы методом практической/переводческой транскрипции, или трансфонации [11: с. 419]: ‘Sarafans’, ‘kokoshniks’, ‘sharovars’ не зафиксированы *Longman Dictionary of English Language and Culture* (1992) [17] и *MacMillan English Dictionary for Advanced Learners* (2002) [18]; однако ‘cossack’ очевидно в силу своей историографической значимости фиксируется в *Longman Dictionary of English Language and Culture*: ‘a member of a people who lived on the plains of S Russia and the Ukraine, famous for their skill in riding horses, their fierce fighting, and their characteristic way of dancing with the knees bent, their body low, and the arms folded in front of their body’ [17: p. 287]. Именно этот когнитивный сценарий описывается в приведенном контексте.

Другим примером является слово *borscht/борщ*, вошедшее в тезаурус американской культуры в сочетании Borscht Belt, «Борщовый пояс», сеть отелей в Катскильских горах, так называемые «Еврейские Альпы» (Jewish Alps) в штате Нью-Йорк, основанные евреями-переселенцами из Российской империи и позднее из СССР [6]. Слово ‘borscht’ зафиксировано словарями как ‘beetroot soup often served with sour cream’ [17].

В повествовании отсутствует толкование и курсивное выделение; слово дается как узуальное: “They sit down and eat the borscht, and the taste is all off, there is no taste...” [16: p. 167].

2. Транскрибированные междометия.

Приведем примеры.

“Aaah, here’s the child,” your mother says...” [16: p. 140].

“She was up there, performing her courageous acts of love – fake love, green card love – and in the morning she would be at work, cheerful and breathless, hurrying to a meeting, gasping, exhaling her *okhs* and *akhs*...” [16: p. 186].

Для передачи коммуникативной функции русских междометий автор привлекает прилагательное ‘breathless’, глагол ‘exhale’, создающие эффект мажорности речи, неискренности и лицемерия.

3. Жаргонные/сленговые слова.

В анализируемом произведении используется молодежный/студенческий сленг, естественный в среде молодых иммигрантов, причем встречаются жаргонизмы, типичные для разных эпох. Приведем примеры:

“He looks to be the kind my parents adore. The best student in class, always in the first row. A geek, a *botanist*, as we used to call them at my Moscow school” [16: p. 12].

Популярное обозначение «учащийся, не интересующийся ничем, кроме учебы, умник, чудака» словом «ботаник» передано буквально; для объяснения смысла привлекается англоязычный аналог ‘geek’. *MacMillan English Dictionary* дает узкую дефиницию (someone who is boring, especially because they seem to be interested only in computers’ [18]), в то время как *Longman Dictionary of English Language and Culture* трактует слово расширительно как ‘a stupid or annoying person’ [17]. Поскольку словари не дают пометку «студенческий жаргон/сленг», автор указывает на сферу использования русского слова (школа в Москве).

Другой пример.

Контекст: молодежная вечеринка –

“Leonard plops next to Vika, loops his arm around her. “Hello, *chica*,” he says.

Vika giggles, uneasy – she likes the attention, but doesn’t know how to take it. When Leonard puts his hand on her knee, she squirms away. He says, “Are you *dissing* me, *gal*?” [16: p. 145].

В одном контексте используется транскрибированное русское слово «чика», этимологически восходящее к американскому английскому ‘chick’ с тем же прагматическим значением «молодая привлекательная девушка», и английский аналог ‘gal’, маркируемый словарями как неформальный синоним к слову ‘a girl’.

4. Зоонимы, обозначающие прототипические для русской культуры человеческие свойства.

Несколько вводных замечаний. В научной литературе функционируют несколько терминов, обозначающих животных, – зоосемизмы, зоонимы, анимализмы, анималистическая лексика, зооморфизмы. Зооним трактуется «как наиболее удобный термин для выявления этнокультурной специфики анималисти-

ческой лексики ... лексико-семантический вариант слова, которое выступает в качестве любого родового названия животных и метафорического названия при анализе лексики с позиций эмоционально-оценочной характеристики личности» [10: с. 489]. Зоосемия понимается как «надсовокупность», функционирующая во всех языках и объединяющая наиболее близкие родовидовые совокупности [5]. Зооморфизмы – единицы фразеологии с зоокомпонентом. Многие лексемы указанной лексической группы – наименования представителей животного мира как метафоризованные характеристики человека – имеют культурно-обусловленные коннотации, закрепленные в национальном языке как часть его когнитивного базиса. Зоосемизмы наряду с наименованием цветов и частей человеческого тела трактуются в научной литературе как слова – культурные символы, составляющие культурно специфическую основу фразеологического состава каждого языка [1: с. 38].

Приведем примеры из анализируемого материала.

Контекст: герой – пожилой иммигрант – тщетно пытается учить язык на курсах, организованных еврейским общинным центром; он комментирует реплики недовольной им преподавательницы:

“This puny thing, this *peewit*! She had no right to speak to him this way” [16: p. 49].

Зооним ‘peewit’ определяется в толковых словарях как ‘a small black and white European bird’ [18], как звукоподражательный синоним слова ‘lapwing’ (a small bird with raised feathers on its head; its cry sounds like the name peewit [17]). Электронный словарь *Multitran* переводит это слово как «чибис, луговка, сорочий жаворонок, пигалица» [6]; последний вариант, очевидно, актуализируется объяснительным семантическим эквивалентом ‘this puny thing’; негативная коннотация, присущая русскому слову «пигалица», нивелирована в контексте.

Для русской культуры зооним «осел» однозначно репрезентирует глупого человека; «козел» – негативная характеристика мужчины. Для американской культуры аналогичная отрицательная коннотация реализуется словом ‘jackass or other stronger words not related to animals’ (из беседы с информантом – носителем американской лингвокультуры Д. Уоркманом, преподавателем английского языка в Хабаровском государственном университете экономики и права). *Longman Dictionary* маркирует слово ‘goat’ как ‘esp. BrE informal, esp. derog or humour’: ‘a man who is very active sexually; esp. one who is old or not sexually attractive’ [17]; *MacMillan Dictionary* также включает сему «старый»: ‘an insulting word for an old man, especially one who shows a great sexual interest in women’ [18].

Рассмотрим пример.

Контекст: родители Маши неожиданно для нее утешают ее, когда молодой человек – любимец родителей девушки – оставил ее, возможно беременную.

"It's probably nothing, they say, probably stress... And Aleck? We don't need Aleck... But my father says, Aleck is a goat, and we laugh..." [16: p. 32].

Рассмотрим примеры зооморфизмов.

Контекст: отец Маши упрекает ее в легкомысленности.

"...Your mother is barely breathing and all you care for is running around with your tail in the air" [16: p. 160].

Устойчивое выражение «носиться, задрать хвост» применимо в русском языке для негативной оценки легкомысленного неразумного поведения и не используется в англоязычных странах.

В другом месте [16: p. 80] используется фразеологизм *'like water off a goose'* – как с гуся вода, однако в американской лингвокультуре распространена идиома *'like water off a duck's back'*; «гусь» – прототипическая домашняя птица для русской культуры.

5. Транскрибированные русские слова, называющие реалии, лакунарные для американской культуры.

Большое количество примеров объясняется отсутствием в лингвокультурном пространстве США культурных реалий, характерных для страны исхода героев Э. Литман; с другой стороны, частотны русские слова, семантически эквивалентные английским, но придающие национальный колорит повествованию.

Несколько примеров.

Слово *'intelligentsia'* – пример устоявшегося заимствования, освоенного словарями без пометки о заимствовании (*the people in a society who are the best educated and the most interested in art, science, literature etc. at an advanced level* [18]). В контексте рассказа "The Last Chicken in America" слово снабжается атрибутами «московская (интеллигенция)», «дети из хороших еврейских семей, посещавшие хорошие школы»:

"We are the Moscow intelligentsia, the kids from good Jewish families. The other stuff happens among simpler people – pimply guys from trade schools, ... the one who always get in trouble" [16: p. 25–26].

Приведем примеры транскрибированных безэквивалентных слов, снабженных разъясняющим описанием.

Контекст: воспоминания героев о покинутой родине.

"He said he also liked the boulevards, and Eskimo ice cream sticks for twenty-five kopeks" [16: p. 95]. *'Ice cream sticks'* является необходимым элементом для актуализации значения русизма *'Eskimo'*.

"She brought me Russian candy, a gluey caramel, Moo-Moo. ...She smiled. There was a speck of caramel stuck to her teeth" [16: p. 191].

Карамель-ирис «Му-му» для многих – конфета «со вкусом детства»; нотки ностальгии, очевидно, и переданы в данном контексте.

Наконец, автор использует названия популярных в СССР блюд, медицинских препаратов, при

этом сам контекст позволяет догадаться о значении лексем (*volokardin, kasha*):

"You don't want to remember, but you do anyway – the ringing of the phone, the metallic rattle of the emergency room gurneys, the broken bottle of *volokardin* on the kitchen floor." [16: p. 148].

"Most nights I was given a plate of buckwheat *kasha* with milk..." [16: p. 190].

К русским словам, создающим национальный колорит в контексте произведения, относятся следующие лексемы, передающие, как правило, отрицательную оценку людей и используемые в разговорной речи; слова снабжаются переводами: *ubozhestvo, bezdelnik, obuza*. Слово *ubozhestvo* в контексте ссоры героев сопровождается английским семантическим эквивалентом *'a cripple'* [16: c. 83]; *obuza* – *'deadweight'*; *bezdelnik* – *'deadbeat'* [16: c. 168], *gomic* – *'homosexual'* [16: c. 113].

Также транскрибируются слова из языков идиш или иврит, описывающие реалии еврейской культуры: *seder* (пасхальный ритуал), *yermolka* (национальный мужской головной убор).

6. Фразеологические кальки.

Фразеологические кальки, во многом составляющие специфику анализируемого «русского английского», в основе имеют неполное семантическое соответствие, что неизбежно при попытках описать одну языковую культуру на языке другой. В результате возникают искусственные языковые образования. Подчеркнем, что русский характер английского языка Э. Литман «высвечивается» также прямыми указаниями автора, что язык общения героев – русский.

Контекст: героиня, почувствовав отчуждение собеседника, переходит на английский язык, тем самым обозначая потерю интимности, большую дистанцию: "Oh well," she said in English. "Thanks for coming." [16: p. 191].

Очевидно, что вся предыдущая часть диалога была по-русски. Русскоязычный читатель «считывает» те интенции, импликации, которые часто не улавливаются англоязычным читателем.

Пример. Контекст: герой обсуждает с другом семьи состояние смертельно больной жены.

"She doesn't look bad."

"You should have seen her this morning" [16: p. 163].

[= Ты бы видела ее сегодня утром]

В английском предложении используется модель сослагательного наклонения «нереальное условие», подразумевающее догадку, критику, сожаление [19: c. 603]. Эти прагматические значения не реализуются в клишированной русской фразе, это скорее речевой акт отрицания предыдущей реплики.

Для анализа корпуса фразеологических калек необходимо определить классифицирующие признаки разрядов фразеологизмов. В научной литературе

основным критерием рассматривается степень семантической спаянности компонентов; выделяются, по классификации В.В. Виноградова, семантически неразложимые единицы (фразеологические сращения), мотивированные переносным значением компонентов, образные единицы (фразеологические единства), семантически разложимые обороты аналитического характера (фразеологические сочетания) [4]. Широкая трактовка фразеологии [12, 14] предполагает выделение фразеологических выражений – «несколько-словных воспроизводимых устойчивых выражений» [12: с. 186]. Не вдаваясь в детали дискуссии о категориальных свойствах отдельных типов устойчивых выражений, согласимся с подходом Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко [1], выделяющих фраземы, для которых характерна та или иная степень обобщенно-целостного значения, и остальные семантически и синтаксически членимые выражения, среди которых – паремии, устойчивые номенклатурные наименования, терминологические сочетания, крылатые выражения, речевые штампы, афоризмы.

Для удобства и системности изложения мы будем рассматривать

(а) фраземы-кальки (калькированные фразеологические сращения; калькированные фразеологические сочетания; калькированные фразеологические единства);

(б) калькированные устойчивые выражения (устойчивые номенклатурные наименования, речевые клише/штампы; пословично-поговорочные речения).

Для характеристики устойчивых выражений, используемых в материале, был привлечен Дэвид Уоркман, старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Хабаровского государственного университета экономики и права.

Рассмотрим примеры.

К категориальным свойствам фразеологических единиц, помимо прочих, относят непереводаемость, а также культурную обусловленность [1: с. 30]. Эти признаки максимально релевантны для сращений – немотивированных и непроемких единиц, в состав которых часто входят устаревшие языковые формы. «Фраземика – неистощимый источник познания самого языка как развивающейся и изменяющейся системы. Причем в ней отображены не столько законы функционирования самого языка, сколько его реликты (остаточные фрагменты, «отголоски» древнейших эпох)» [1: с. 6]. Этими соображениями объясняется крайне малое число калькированных фразеологических сращений в исследуемом материале (*Firs and sticks!* / *Елки-палки!* *God's Dandelion* / *божий одуванчик*, *in the devil's antlers* / *у черта на рогах*, *Grey in the beard, devil in the ribs* / *Седина в бороде, бес в ребро*).

Комментарии информанта показали, что смысл этих выражений носителю непонятен, например, да-

ется следующее толкование *Grey in the beard, devil in the ribs: as a man gets older, he is more ill-tempered, or he is more likely to do things he knows are wrong*.

Фразеологические сочетания обладают относительной сочетаемостной свободой, это, по словам В.В. Виноградова, – «устойчивые фразеологические группы, в которых значения слов-компонентов обособляются гораздо более четко и резко, однако, остаются несвободными» [4: с. 157]. В количественном отношении примеров этого рода больше, чем других типов фразеологизмов, поскольку эти «фразеологические группы образуются реализацией несвободных, связанных значений слов и составляют самый многочисленный и семантически веский разряд устойчивых сочетаний слов в русском языке» [1: с. 160].

К этой группе относятся созданные Э. Литман кальки относительно устойчивых предикативных фразем [1: с. 193] (*my head is splitting* / *голова раскалывается*), наречных фразем (*dressed up as if for a parade* / *вырядиться как на парад*; *think with your head* / *думай своей головой*; *to get into ones' soul* / *залезть в душу*, *drunk like a cobbler* / *пьян как сапожник*).

Калькированные фразеологические единства характеризуются свойством потенциальной образности, т.е. «значение целого связано с пониманием внутреннего образного стержня фразы, потенциального смысла слов, образующих эти фразеологические единства... По большей части, это выражения, состоящие из слов конкретного значения и имеющие заметную экспрессивную окраску... Итак, внутренняя цельность многих выражений обусловлена единством образного значения» [5: с. 141].

Например, в тексте калькируются фраземы *шагаться Бог знает где* / *Masha's been...hanging around God knows where*; *два сапога пара* / *Two boots make a pair*; *гори оно синем пламенем* / *May it burn in blue flames*; *и в подметки не годится* / *not to be worth the soles of one's shoes*; *Титун тебе на язык!* / *Ulcer on your tongue! to pour it on, from an empty bowl into a hallow one* / *переливать из пустого в порожнее*.

Эти единицы либо непонятны информанту, либо трактуются неправильно, например, *'ulcer on your tongue'* – *'something or someone that causes pain or is unpleasant to be around but you can't get away from, is used in situations of frustration or unhappiness with someone or something that is constantly causing pain'* [некто или некто, вызывающие боль или дискомфорт, от чего нельзя избавиться].

Ко второй группе – калькированные устойчивые выражения разных типов – следует отнести искусственные относительно устойчивые русифицированные выражения, составляющие основу живой практики языка, описывающие, в частности, национально-специфические феномены, номенклатур-

ные наименования, речевые шаблоны, например, Маша вспоминает свое советское прошлое:

“...my composition on *Fathers and Sons* was sent to the regional Olympics... I might have graduated with a silver medal” [16: p. 13].

“In college... the student life was fun, with weekend parties, ...guitars, and mandatory stints at potato farms” [16: p. 83].

“After college, they assigned you somewhere, and you began your life as a junior research assistant. ... My boss encouraged me to finish my candidate dissertation. ... By then I was married, safely tucked into my own society cell” [16: p. 83].

Создается пространство русской/советской культуры с его новоязом (*кандидатская диссертация, младший научный сотрудник, окончить школу с серебряной медалью, районная олимпиада, ездить «на картошку», семья – ячейка общества*). Эти устойчивые сочетания воспроизводятся как готовые фразеологические единицы.

Автор прибегает и к калькированию русских паремий. В лингвистической литературе отличительным признаком пословично-поговорочных речений называют «наиздательный смысл», суждение, лежащее в основе паремий, в отличие от понятий, описываемых фраземами [1: с. 242], ср. используемые в рассказах речения: *two boots make a pair / два сапога пара* – фразема (комплексный эквивалент слову «одинаковые»); *in a fishing lull, even a lobster is fish / на безрыбье и рак рыба* или *We're not playing at spillikins here / Мы не в бирюльки здесь играем* (мнение). Последняя поговорка интересна тем, что слово «бирюльки» сохранилось в русском языке только в составе данного пословичного речения, а перевод на английский язык со словом ‘spillikins’ (осколки, фрагменты) лишил его смысла для англоязычного читателя.

Заключение

Данная работа вносит определенный вклад в разработку проблематики лексических заимствований, в сопоставительные исследования пословичных менталитетов. Следы переноса культурной идентичности в творчестве билингвальных писателей можно обнаружить, кроме лексического, и на таких уровнях художественного дискурса, как преобладающие номинативные и коммуникативные стратегии, в том числе в терминах речевого этикета, специфика реализуемой когнитивной базы в терминах способов вербализации концептов и манифестации когнитивных оснований языковых категорий. Таким образом, транслингвальная художественная литература представляет собой обширный источник материала для лингвистических и лингвокультурологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – Москва : Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд. – Москва : Флинта: Наука, 2012. – 376 с.
3. Бахтикиреева, У.М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / У.М. Бахтикиреева. – Москва : РУДН, 2005. – 40 с.
4. Виноградов, В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – Москва : Наука, 1977. – С. 140–161.
5. Киприянова, А.А. Функциональные особенности зооморфизмов: На материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков : дис. ... канд. филол. наук / А.А. Киприянова. – Краснодар, 1999. – 217 с.
6. Мультигран. Словарь. – URL: <https://www.multigran.com/> (дата обращения: 13.01.2021).
7. Николаев, С.Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С.Г. Николаев. – Ростов-на-Дону, 2006. – 48 с.
8. Новикова, Т.Б. Заимствование лингвокультурных концептов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Б. Новикова. – Волгоград, 2005. – 22 с.
9. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Спец. выпуск. – 2016. – № 2 (50). – С. 10–168.
10. Саблина, О.Б. Отражение национального менталитета в зоосемизмах (на примере фразеологических единиц русского и немецкого языков) / О.Б. Саблина // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2 (81). – С. 482–491.
11. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович ; под ред. М.Г. Лебедько, З.Г. Прошиной. – Москва : Флинта: Наука, 2013. – 632 с.
12. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
13. Толстая, Т.Н. Русский человек на randevу / Т.Н. Толстая // Знамя. – 1998. – № 6. – URL: <https://znamlit.ru/archiv.html> (дата обращения: 09.12.2020).
14. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 1985. – 192 с.
15. Kachru, B. Models for non-native Englishes / B. Kachru // Readings in English as an International Language / Ed. by L. Smith. – Oxford : Pergamon Press, 1983. – P. 69–86.
16. Litman, E. The Last Chicken in America: a novel in stories / E. Litman. – New York, London : W.W. Norton & Co, 2007. – 240 p.
17. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Edinburgh Gate, England : Longman, 1992. – 1528 p.
18. MacMillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. – Oxford : Macmillan, 2002. – 1675 p.
19. Swan, M. Practical English Usage / M. Swan. – Moscow : Vyssaja Škola, 1984. – 552 p.